

У Жуньшэна умер дедушка по матери. Сюй Цзинцзин, находившаяся тогда в другом городе, попросила инженера Фу съездить с сыном на похороны.

Казалось бы, дело недолгое, но поездка затянулась на добрую половину летних каникул. Когда Жуньшэн снова появился на пороге дома Юйцина, Лицю — начало осени — уже осталось позади.

За месяц с лишним разлуки Эрмяо сильно загорел и осунулся, хотя вроде бы еще немного вытянулся. Детская непосредственность почти полностью сошла с его лица, и от этого Юйцину вдруг сделалось не по себе — парень показался ему чужим.

Жуньшэн молча разглядывал друга, а потом вдруг шагнул вперед и привычным жестом ласково взъерошил ему волосы.

— Я вернулся.

Чувство неловкости мгновенно испарилось. Юйцин крепко обнял его:

— Да где же ты пропадал?!

Эрмяо прижал его к себе покрепче, уткнувшись носом в плечо, но ничего не ответил.

Вскоре Юйцин узнал, что Эрмяо приехал вместе с отцом. Сюй Цзинцзин и инженер Фу наконец-то развелись. Мать без долгих раздумий спланировала сына бывшему мужу, да и квартира в Западном здании, в комнате 201, теперь тоже отошла инженеру Фу.

Бесконечная тяжба, отравлявшая жизнь Эрмяо с самого детства, наконец-то завершилась. Юйцину до сих пор не верилось, что все кончено.

— Значит, теперь ты будешь жить с отцом? — с тревогой спросил он.

— Он велел называть его дядей, — безучастно отозвался Жуньшэн. — Кто его знает... Поглядим. — За столько лет бесконечной грызни родителей Эрмяо, казалось, окончательно зачерствел. — Да и какая разница, в сущности.

Юйцин промолчал.

Маганьэр поспешил сменить тему:

— Ну а у деда-то твоего... все гладко прошло? Похоронили без заминок?

Эрмяо неопределенно угукнул, не желая пускаться в объяснения.

Эрпан, вовремя сообразив, что разговор зашел не туда, подхватил:

— Ну, дело прошлое. Ты уже парень взрослый, видный, вся жизнь впереди. Рано или поздно все мы от родителей уходим. Мой дед вон в четырнадцать лет из деревни сбежал на заработки, на родину так ни разу и не вернулся, а жизнь прожил дай бог каждому — и домом обзавелся, и кучей детей. Так что гляди веселей, забудь ты про эти дразги.

Жуньшэн помолчал немного и тихо бросил:

— Да я и не расстраиваюсь. — Он помахал официанту: — Эй, принеси еще пару бутылок пива.

— Вот это по-нашему! — Эрпан чокнулся с ним стаканом, стянул зубами сочный кусок мяса с шампура и беззаботно добавил: — Но вообще, братец, ты хорош. Пропал на столько времени, хоть бы весточку подал. Мы с Юйцином все телефоны оборвали, а потом даже в Цзянбэй за тобой поехали. Темнота — хоть глаз выколи, а тут еще ливень как хлынет! Вымокли тогда до нитки, как бродячие псы.

Жуньшэн тепло посмотрел на Юйцина:

— Чтобы позвонить по межгороду, надо на почту тащиться. В первые дни совсем не до того было. — Он шумно выдохнул: — Ладно, проехали. Давайте налегайте на мясо, я угощаю.

— Не надо! — Маганьэр щедро взмахнул рукой. — Сегодня плачу я. Хозяин, еще тридцать шампуров баранины!

Юйцин изумленно захлопал глазами:

— Магань, ты никак разбогател?

— У нашего товарища Хэ Юэ душа поет, потому что на личном фронте победа, — ухмыльнулся Эрпан. — Девчонку себе нашел.

— Вот здорово! — искренне позавидовал Юйцин. — А когда познакомишь? Приводи ее как-нибудь к нам.

Маганьэр попытался соорудить равнодушную мину, но довольная ухмылка все равно расплзлась по его физиономии:

— Да как-нибудь пересечемся. Вообще-то она не совсем в моем вкусе. Просто бегала за мной без конца, проходу не давала — неудобно как-то было отказывать.

Юйцин растерялся:

— Как это? Если она тебе не нравится, надо было сразу так и сказать. Зачем зря девчонку обнадеживать?

Маганьэр снисходительно похлопал его по плечу:

— Эх, Юйцин, зеленый ты еще, жизни не знаешь. В таких делах рубить с плеча нельзя, а то потом при встрече сквозь землю провалиться захочется. К тому же у всех пацанов уже есть девчонки. Теперь и у меня имеется. Ей в радость, мне перед парнями почет — разве плохо?

— Ну да, — поддакнул Эрпан. — Сейчас все встречаются, обычное дело.

Юйцин посерьезнел:

— Да нет же, все совсем не так! Если человек к тебе со всей душой, то и ты должен относиться к ней честно. Иначе это просто подло по отношению к ней.

— Ой, в любви справедливости не ищут, — отмахнулся Эрпан. — Вон по Хуан Ина сколько парней сохнет, она же не может каждому взаимностью отвечать.

Юйцин только открыл рот, чтобы возразить, но Маганьэр его перебил:

— Вот именно, насильно мил не будешь. Слушай, а что там с Хуан Ина? Болтают, она с каким-то уличным шпаненком закрутила, и из-за нее целая свора парней стенка на стенку пошла?

Эрпан испуганно замахал руками:

— Да врут всё! Подрались-то всего двое местных хулиганов, а раздули черт знает что. Нана от этих сплетен чуть с ума не сошла, в итоге даже милицию вызвали.

— И с кем она теперь гуляет?

— Да ни с кем, — вздохнул Эрпан. — Языками все чешут кому не лень. Прямо как с твоей сестрой, Юйфэнь, в свое время — когда девчонка слишком красивая, от парней одни неприятности. — Вспомнив про Юйфэнь, Эрпан придвинулся ближе к Юйцину: — Как она там обжилась на Заводе № 112?

После выпуска Юйфэнь распределили на Завод № 112 — дочернее предприятие НИИ № 626, выпускавшее бортовое оборудование. Хотя масштабами он и уступал Заводу № 176, но тоже считался оборонным объектом государственной важности и входил в то же ведомство. Вот только работы на сестру навалилось столько, что за все лето она сумела вырваться домой лишь дважды.

Юйцин видел, что сестре приходится несладко. Она выглядела бледной и измученной, и он всерьез опасался, не обижает ли ее кто-нибудь на работе. Бабушка, впрочем, лишь вздыхала и успокаивала внуку: мол, молодому специалисту без связей везде поначалу тяжело, надо потерпеть полгода-год, а там жизнь наладится.

Но Юйфэнь такое утешение только злило. Она горячилась, доказывая, что дело вовсе не в терпении: все они — выпускники престижных вузов, пришли на завод инженерами, и она ни в чем не уступает парням. Так почему же она должна, словно прислуга, разносить чай и мыть чашки за всеми мужиками в отделе? А когда она спускается в цех, рабочие смотрят на нее свысока, не подпускают к оборудованию и шагу ступить не дают, лишая возможности даже потрогать детали. «Это же самая настоящая дискриминация!» — возмущалась она.

Ли Шуминь только руками разводила: подумаешь, велика беда — налить чаю старшим коллегам. Молодые везде так начинают, в любом учреждении. Да и в цеху торчать незачем — радоваться надо, что берегут ее как девчонку и не заставляют надрываться на тяжелой работе.

Юйфэнь совсем сникла. В сердцах она как-то выпалила, что, знай она заранее, какая тоска ее ждет на этом заводе, давно бы уехала в Яньцзин с дедовской скрипкой — играть по кабакам за гроши.

Ли Шуминь в ужасе замахала на нее руками, требуя замолчать. Пиликать по кабакам — дело непутевое, в прежние времена таких музыкантишек за людей-то не считали, последнее сословие! Это сейчас их красиво величают «народными артистами». Только чтобы настоящим артистом стать, нужно перед партийным руководством в консерваториях выступать, а Юйфэнь туда никто не пустит. Так что лучше держаться за свое место, работать честно и жить тихо — в этом и есть самое простое человеческое счастье.

При матери Юйфэнь спорить не стала, но когда Ли Шуминь легла спать, уткнулась брату в плечо и беззвучно разрыдалась. Юйцину было так больно за сестру, что он не выдержал и заплакал вместе с ней, совсем как в детстве. Увидев его слезы, Юйфэнь тут же утерла свои и принялась ворчать, что брат у нее до сих пор совсем ребенок и никак не повзрослеет.

Болтая по душам, Юйфэнь спросила его, не хочет ли он поступать в один из яньцзинских вузов. Все-таки там учится их старший брат, Юйхуань, присмотрит если что. Перспектива уехать в столицу манила, но Юйцин понимал: если он уедет учиться в Яньцзин, его потом могут распределить в любой медвежий угол страны. Как тогда будут со всем справляться мама и старенькая бабушка?

Выслушав его, Юйфэнь тяжело вздохнула и ласково погладила брата по голове.

— Может, оно и к лучшему, — негромко проговорила она. — В столице сейчас как-то беспокойно.

— Интересно, как там Юйхуань, — тихо проговорил Юйцин. — В письмах пишет, что все хорошо, работа идет своим чередом, но ведь на бумаге можно написать что угодно.

— Я так соскучился по нему, — признался он сестре.

Буквально на днях ему приснился странный сон: брат быстро шел по каменистой тропинке прямо навстречу ослепительному солнцу. Юйцин бежал за ним со всех ног, но никак не мог догнать; споткнулся, больно растянулся на земле и выбил зуб. А Юйхуань лишь обернулся, грустно улыбнулся ему на прощание и в мгновение ока растаял в воздухе.

Юйфэнь обняла его и уложила головой к себе на колени. Они замолчали. Да и о чем тут было говорить?

Узнав о злоключениях Юйфэнь, Эрпан сокрушенно покачал головой:

— Эх, выбиться бы мне когда-нибудь в директора завода, я бы твою сестру мигом к нам перевел.

— Мечтать не вредно! — безжалостно осадил его Маганьэр. — В директора с улицы не берут. Тут и связи нужны, и диплом солидный, и стаж, да и мозги на плечах иметь не помешает.

Эрпан ничуть не обиделся, лишь вздохнул по-взрослому тяжело и удрученно.

Друзья продолжали шумно болтать обо всем на свете, а Юйцин сидел молча, думая о своем.

Юйхуань не был дома уже два года. И пускай письма от него приходили исправно, а телефонные звонки раздавались едва ли не каждую неделю, сердце все равно было не на месте. Он постоянно присылал семье деньги. Чжоу Хуэй без конца твердила в трубку, чтобы он не тратился, но переводы все равно приходили точно в срок. Мать поговаривала, что ближе к концу осени выкроит несколько дней на работе и съездит вместе с Ли Шуминь навестить сына.

Юйфэнь как-то расспрашивала брата, не делился ли Юйхуань в письмах чем-то особенным.

Юйцин тогда хорошенько поразмыслил, но ничего такого вспомнить не смог. Брат только присылал ему учебные пособия да книги на иностранных языках, постоянно наказывал прилежно учиться, не забивать голову ерундой и держаться подальше от всяких сомнительных сборищ.

О чем именно шла речь, Юйцин смутно догадывался. Эрмяо порой вскользь упоминал

столичные новости, но для Юйцина все это казалось бесконечно далеким от их провинциальной жизни.

Лишь много лет спустя, повзрослев и многое переосмыслив, они поймут, в какой бурный исторический водоворот их тогда затянуло. Поймут, как эта безумная эпоха перекроила их судьбы и какие глубокие, невидимые миру шрамы оставила на их душах.

Но все это будет потом.

Хоть Маганьэр и хорохорился, обещая оплатить весь пир, друзья не стали его грабить. Приговорив последние бутылки пива, они решили расходиться.

Юйцин выпил первый раз в жизни, и хмель быстро ударил ему в голову. Возвращаться домой навеселе он побоялся — бабушка живо устроит нагоняй, — поэтому решил немного побродить по улицам, пока не проветрится. Эрмяо беззлобно поддел его за неумение пить, а затем просто подхватил под мышки и усадил на багажник своего велосипеда.

С реки тянуло прохладным вечерним бризом. На темной глади воды изредка вспыхивали далекие огоньки проплывающих мимо барж. Эрмяо лениво крутил педали, а Юйцин, чувствуя приятное головокружение, крепко обхватил его руками поперек талии и уткнулся лбом в широкую теплую спину.

Велосипед тут же вильнул в сторону, выписывая немыслимые зигзаги, так что Юйцин едва не полетел на асфальт.

— Оказывается, ты тоже пьян! — поразился Юйцин. — А еще надо мной смеялся!

— Это потому, что ты руки распустил, — буркнул Эрмяо, недовольно поджав губы.

Юйцин не стал спорить.

— Ну давай тогда здесь посидим, отдохнем.

— Я сейчас... в туалет отойду, — неловко буркнул Жуньшэн.

Юйцин остался преданно ждать его у велосипеда. После дневного ливня крутой склон дамбы сиял первозданной чистотой, а воздух вокруг был густо пропитан сырыми запахами реки и мокрой травы. Юйцин опустилсся прямо на траву, откинулся назад и уставился в бездонное ночное небо. Спустя какое-то время рядом неслышно опустилсся Эрмяо, принес с собой прохладный аромат речной воды.

Юйцину вдруг вспомнилось то туманное утро в самом начале каникул. Казалось, это было

только вчера, но в то же время — бесконечно давно. Эрмяо за это время разительно переменялся.

«Наверное, я ошибался, — подумал Юйцин. — Люди взрослеют вовсе не постепенно. Иногда для этого достаточно одного-единственного мига».

Голова приятно кружилась под мерный плеск речной волны.

— Зато всякие типы вроде Гао Цзяньпина теперь оставят тебя в покое, — тихо произнес Юйцин.

Жуньшэн долго смотрел на темную воду и молчал.

Юйцин перевел взгляд на друга. Тонкий профиль Жуньшэна, очерченный бледным звездным светом, казался хрупким и печальным. Они знали друг друга с пеленок, и Юйцин никогда прежде не задумывался, красив Эрмяо или нет — тот всегда был для него просто Эрмяо. Но в такие редкие минуты он неудержимо напоминал прекрасных и трагических юношей со страниц классических романов.

Юйцин долго не мог отвести глаз, пока Эрмяо наконец не повернулся и не посмотрел на него в ответ. Из-за хмельной пелены Юйцину почудилось, будто во взгляде друга промелькнуло какое-то отчаянное упрямство и глубокая, непривычная грусть.

— Тоскуешь по дедушке? — невнятно спросил Юйцин.

Жуньшэн отвел глаза:

— Вовсе нет.

Юйцин нашел его руку и крепко сжал пальцы.

Жуньшэн опустил взгляд на их переплетенные ладони.

— Мы с ним почти не общались, — сухо проговорил он. — Он меня даже не помнил.

Юйцин вздохнул, не зная, как его утешить. Порой Жуньшэн становился точной копией своей матери — такой же отстраненный и холодный, словно далекое созвездие.

В тишине позднего лета едва слышно стрекотали сверчки.

— В то утро... перед тем как уехать на похороны, — внезапно спросил Юйцин, — что ты хотел

мне сказать?

Жуньшэн вздрогнул и медленно высвободил свои пальцы.

— Забыл уже, — после долгой паузы едва слышно обронил он.

Юйцин слегка разочарованно вздохнул. Зачем врать, если можно было просто промолчать? Ну да ладно, у каждого должны быть свои секреты. Раз уж Эрмяо не хочет говорить, вытягивать из него клещами он не станет.

Он откинулся на траву и уставился на рассыпанные по небу созвездия. Они казались совсем близкими, но оставались недосыгаемыми. Юйцин мечтательно вытянул руку вверх, словно пытаясь поймать одну из них.

— Ты что делаешь? — недоуменно спросил Жуньшэн.

Юйцин опустил руку.

— Звезду тебе достаю.

— Точно пьяный, — тихо рассмеялся Эрмяо.

— Ничего подобного, — Юйцин вложил свою пустую ладонь в руку друга. — Держи. Это тебе.

Жуньшэн посмотрел на их соединенные пальцы. В груди его поднялся тяжелый, глубокий вздох, и он запрокинул голову, всматриваясь в бесконечную бездну неба.

Юйцин стал показывать ему знакомые созвездия: Лебедя, которого дедушка звал Северным Крестом, сверкающий Млечный Путь и разделенные им Волопаса и Ткачиху.

— Надо же, Волопас и Ткачиха встречаются всего раз в году, — завороченно прошептал Жуньшэн.

— Ну и пусть, — сонно пробормотал Юйцин, засыпая на ходу. — Главное, что они помнят друг о друге. Если чувства настоящие, то и разлука не страшна.

Жуньшэн задумчиво посмотрел на него. Юйцин тихонько зевнул и сам не заметил, как веки его потяжелели. Ночной ветер шелестел листвой в кронах деревьев под аккомпанемент угасающих летних цикад. Приближалась осень.

Сквозь зыбкую пелену сна Юйцину показалось, будто на его щеку опустился прохладный,

невероятно мягкий древесный лист.

<http://bllate.org/book/19415/1988457>